

ПРИВЯЗАННОСТЬ В ДЕЙСТВИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРЕТИЗАЦИЯ СВЯЗИ РЕБЕНКА И МАТЕРИ В (ПОСТ) СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЧЕХИИ

Виктория Шмидт

Виктория Шмидт – исследователь, руководитель проекта по истории сегрегации рома на территории Чехии, Институт исследований инклюзивного образования, Факультет образования, Университет Масарика, Брно, Чехия. Адрес для переписки: Křídlovická 991/18, 60300, Brno, Czech Republic. 320753@mail.muni.cz.

Теория привязанности относится к тем универсалистским психологическим концепциям, которые критикуются в рамках радикальной психологии и феминизма. Критическое отношение к теории привязанности среди западных исследователей имеет давнюю историю, однако в постсоциалистическом мире ни классическая концепция Джона Боулби, ни самая популярная социалистическая версия чешских специалистов Зденека Матейчека и Йозефа Лангмейера не разбираются с этой точки зрения. Вместе с тем теория привязанности остается одним из основных источников для аргументации в пользу деинституционализации и развития семейных форм устройства. Очевидная идеализация теории привязанности среди специалистов, работающих на постсоциалистическом пространстве, затрудняет доступ к западной критике и препятствует ревизии теории Матейчека и Лангмейера. В настоящей работе предпринята попытка восполнить этот пробел, здесь совмещены две линии критической ревизии теории привязанности – критика в адрес теории Боулби и его последователей и деконструкция истории возникновения и применения теории привязанности в социалистической Чехословакии. Первая часть встраивает разнообразные критики западной теории привязанности в концепцию эпистемологической несправедливости Миранды Фрикер. Во второй части, в соответствии с принципом историзации, представлен ретроспективный анализ движущих сил, обусловивших развитие теории привязанности в Чехословакии. В заключительной части анализируется применение теории привязанности в современных попытках предупредить помещение детей рома в систему общественного воспитания

Ключевые слова: эпистемологическая несправедливость; теория привязанности; социалистическая психология; сегрегация рома

Семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей, и деинституционализация заботы о них¹ – ключевая тема социальной политики на постсо-

¹ Имеется в виду развитие альтернатив устройству детей в институты общественного воспитания (детские дома, интернаты).

ветском пространстве². Одним из основных теоретических аргументов в пользу деинституционализации становится депривация ребенка, который воспитывается в учреждении. Противники детских домов воспроизводят доводы, хорошо известные со времен кампаний в пользу семейного воспитания, развернувшихся в 1960-е годы на Западе. В основе их – теория привязанности Джона Боулби. Так, одна из наиболее заметных российских сторонников деинституционализации заботы о детях Людмила Петрановская пропагандирует теорию привязанности следующим образом: «Понимание того, как влияет на поведение и развитие ребенка его опыт привязанности, нередко действительно позволяет творить чудеса в реабилитации детей, чья привязанность была травмирована» (Петрановская 2014). Теория привязанности – одна из наиболее амбициозных попыток выработать исчерпывающее универсальное объяснение эмоционального развития и его психопатологий со времен Зигмунда Фрейда. Боулби рассматривал эмоциональную связь младенца и заботящегося о нем (в первую очередь – матери) как развивающуюся комплексную реакцию, которая обеспечивает спасение. Привязанность понимается как независимая мотивационная система, не находящаяся в соподчинении ни с питанием, ни с сексуальностью, ни с другими базовыми мотивами (что противопоставило теорию Боулби как классическому психоанализу, так и теории социального научения).

Несмотря на особое объяснение движущих сил развития, теория Боулби – как и психоанализ, бихевиоризм и другие известные психологические теории – относится к универсальным теориям, утверждающим общность базовых мотивов, обнаруживающихся у людей из разных эпох, обществ и мест. Кеннет Герген, который одним из первых подверг универсализм таких теорий системной критике, иронично обобщил смысл универсалистских теорий так: «В условиях контролируемого лабораторного эксперимента разные люди будут вести себя одинаково – так, как ведут себя граждане современной Америки» (Gergen 1973). Одной из целей критической или радикальной психологии и становится деконструкция подобных универсалистских теорий. Их ревизия – далеко не праздное интеллектуальное упражнение. В основе критики обнаруживается стремление убедить психологов «не изучать деисторизированного индивида, изолированного от социальных и культурных контекстов своей жизни, но понимать, как социальные и исторические силы сочетаются в конструировании личности» (Billig 2008).

Как и другие направления критического анализа социального знания (критическая социальная политика, критическая антропология, критический дискурс-анализ), критическая психология в первую очередь требует рефлексии по поводу сложившегося социального порядка посредством радикальной ревизии социальных отношений и тех теорий, которые участвуют в легитимизации таких отношений. Сами психологи часто оказываются нечувствительны к тому, что они произ-

² Статья подготовлена в рамках проекта «Дискурсы и практика заботы о детях на территории Чехии: сегрегация ромских детей и детей с инвалидностью от XIX века и до современности» (GA15-10625S). Материалы из архива Open Society были собраны в рамках стажировки, предоставленной фондом Вышеграда (International Visegrad Fund).

водят и воспроизводят знание, которое только усиливает сегрегацию и насилие. То, что специалисты не склонны к ревизии своих подходов, критическая психология объясняет вовлеченностью их самих в разные уровни практик власти. История возникновения и применения теории привязанности указывает на то, что она встроена в систему интересов властных структур, государства и международных организаций.

Джон Боулби, став заведующим кафедрой детства клиники Тависток в 1948 году (он переименовывает ее в кафедру детства и родительства), уже в 1950-м году получает предложение Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) подготовить доклад о неблагоприятных последствиях помещения детей в приюты и дома ребенка. Теория привязанности приобретает беспрецедентное международное влияние после серии публикаций Боулби в рамках рекомендаций ВОЗ о реорганизации системы заботы о детях.

Важно принимать во внимание, что в советскую психологию проблематика депривации развития ребенка вне семьи проникает уже в 1970-е годы – через взаимодействие с психологами Чехословакии. С конца 1940-х годов, практически одновременно с Боулби, они стали заниматься сопоставлением развития детей в семье и в учреждениях общественного воспитания. Задачей настоящей публикации является ревизия концепции привязанности в отношениях матери и ребенка, одного из самых популярных как на Западе, так и в постсоциалистических странах. Критическая ревизия теории привязанности проводится здесь по двум направлениям – разносторонняя критика в адрес теории Боулби и его последователей и деконструкция истории возникновения и применения теории привязанности в социалистической Чехословакии.

Исторический анализ направлен не только на развенчание ложных представлений, но и на реконструкцию развития практик и политик, понимание их происхождения и факторов, способствующих их сохранению. Исторический компонент радикальной критики поддерживает рефлексии специалистов, которые наделяются способностью распознать в своей деятельности (исследовательской или практической) следы того, как формировалась их профессиональная сфера. Эти задачи представляются особенно актуальными для постсоциализма. Пренебрежительное невнимание к истории социальной науки в период социализма ограничивает понимание того, как сохраняется влияние сложившихся в этот период подходов и практик в работе с детьми и семьями (в первую очередь – с матерями). Этот пробел рефлексии усугубляется весьма фрагментарным представлением о том, как происходит ревизия социального знания на Западе. Российские исследователи больше знакомы с результатами критической ревизии социального знания, которую осуществили западные специалисты, чем с их методиками и самим процессом осмысления. Вместе с тем методика ретроспективного анализа не менее важна, чем выявленные в результате ее применения формы объективации, эссенциализма и т.д.

Первая часть эссе встраивает разнообразные критики западной теории привязанности в концепцию эпистемологической несправедливости Миранды Фрикер. Во второй части, в соответствии с принципом историзации, представлен

ретроспективный анализ движущих сил, обусловивших развитие теории привязанности в Чехословакии. В заключительной части анализируется применение теории привязанности в современных попытках предупредить помещение детей рома³ в систему общественного воспитания.

ПРЕВРАТНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ И ПРАКТИК ПОМОЩИ РОДИТЕЛЯМ И ДЕТЯМ

Социалистические социология и психология не отличались разнообразием теорий и испытывали существенный дефицит в диагностико-коррекционных методиках, в том числе в таких, которые предназначены для работы с детьми и семьями. Недостаток инструментов стал особенно заметен начиная со второй половины 1970-х годов, когда СССР взял курс на интенсивное развитие практик социально-психологической помощи разным группам населения. Масштабы дефицита были так велики, что спрос на теории и концепции, которые можно было бы применять, стал удовлетворяться за счет заимствования зарубежных теорий (преимущественно разработанных психологами из дружественных социалистических стран, в которых практическая психология продолжала свое развитие: Польши, ГДР и Чехословакии). Это связано с тем, что доступ к западным источникам у исследователей из Восточной Европы был более свободным, а академическая цензура не требовала опоры исключительно на разработки советских специалистов. Более того, уже со второй половины 1950-х годов специалисты из стран Восточной Европы имели возможность проходить стажировки в европейских академических центрах, что позволяло им сохранять постоянную связь с основными направлениями развития психологии и социологии в мире.

Чешская практическая психология сыграла особую роль в становлении советской (а затем и российской) психодиагностики и психокоррекции. В советскую практику проникли тесты, разработанные чешскими психологами, программы диагностики способностей от польских исследователей и пособия по психолого-педагогической диагностике от немецких коллег. Не одно поколение психологов было «воспитано» на пособиях по психодиагностике, которые подготовили Йозеф Шванцара и Владимир Смекал, методиках школьной готовности Керна–Йирасека⁴, чешском групповом тесте интеллекта для подростков, адаптированном сотрудниками Лаборатории диагностики и коррекции Психологического

³ Для русскоязычного читателя привычным остается понятие «цыган» (*Gypsy, zigan, Zigeuner*), которое имеет однозначные негативные коннотации во многих других языках и в современном публичном дискурсе (так, о «антицыганизме» принято говорить как политическом и социокультурном основании сегрегации этой этнической группы). Наименование «рома» (*Roma, Romani*) – политкорректное определение, которое принимается, в частности, и самими рома, и именно этот термин я использую в настоящей работе.

⁴ Тест немецкого психолога Августина Керна был разработан в начале 1950-х годов, а чешский психолог Ярослав Йирасек адаптировал этот тест в 1960-е годы. В советскую психологию методика первичной оценки школьной зрелости попала в чешской модификации как «тест Керна–Йирасека».

института PAO, разнообразных подходах к оценке психофизиологической индивидуальности, также заимствованных у чешских авторов⁵.

Одним из наиболее заметных вкладов чешских психологов в развитие социалистической науки стали работы Зденека Матейчека (1922–2004) и Йозефа Лангмейера (1921–2007), появившиеся еще в начале 1960-х годов на волне реформы по семейному устройству, которая происходила в Чехословакии с конца 1950-х и до начала 1970-х годов. Впервые перевод их совместной книги на русский язык был опубликован в 1984 году, однако советские психологи получили доступ к разработкам чешских коллег еще раньше – в ходе стажировок на кафедрах психологии университетов Чехословакии в середине 1970-х годов. Именно идеи чешских ученых вдохновили лонгитюд по сопоставлению психического развития детей-воспитанников детских домов и детей, воспитывающихся в семьях, начатый Институтом общей и педагогической психологии в середине 1970-х годов, когда и в Советском Союзе стала актуализироваться мысль о необходимости развития форм семейного устройства детей. Книга Матейчека и Лангмейера до сих пор входит в список обязательно чтения аспирантов по специальности «Возрастная психология».

Даже поверхностное знакомство с работами Матейчека и Лангмейера убеждает в том, что положения теории чешских коллег о губительном влиянии общественного воспитания и уникальной роли семьи на ранних стадиях развития согласуются с установками относительно привязанности в теориях западных ученых – Джона Боулби и Мэри Эйнсворт. Однако и более привычная постсоветскому читателю теория Матейчека–Лангмейера, и исследования Боулби практически не обсуждаются ни в Чехии, ни на постсоветском пространстве с критических позиций. Критика западных теорий, которая (очень ограниченно) присутствует в отечественном академическом дискурсе, практически не соотносится с осмыслением социалистического «наследия». Критическое осмысление роли этого периода остается пробелом для современных ученых постсоциалистических стран. Кроме того, те, кто использует эти теории в России, существенно ограничены в ревизии теорий и практик семейного устройства, по сей день применяющихся для обоснования деинституционализации заботы о детях под маркой прогрессивного знания, противопоставляемого, например, сталинскому запрету на психологию или советскому масштабному развитию общественного воспитания. При этом последнее является одним из самых устойчивых и вместе с тем самых нелепых мифов о советском периоде политики в отношении детей⁶.

⁵ В личном разговоре профессор Владимир Смекал, известный чешский психолог и поклонник российской психологической науки, рассказал, что в начале 1980-х годов советские психологи обратились к коллегам из Польши и Чехословакии с просьбой помочь с развитием психологической диагностики и что чехи «оказались отзывчивее, чем поляки» (дата интервью – 20 октября 2015 года).

⁶ Собственно, рост количества детей в специальных учреждениях в большинстве стран социалистического лагеря начинается со второй половины 1970-х годов, когда формируется систематическое развитие кризисной интервенции и контроля за семьями, а в России, например, своего пика достигает уже в постсоветский период, после внесения изменений в Семейный кодекс в 1996 году, когда стало возможно изъятие ребенка без соответствующего судебного решения.

Чему можно научиться, осваивая западную критику таких концептов, как привязанность; как принимать во внимание исторические контексты производства социалистического знания и что обеспечивает баланс между последовательной критикой и конструированием альтернатив – вот основные вопросы, которые будут рассмотрены в настоящей работе. В первой части анализируется разнообразная критика теории привязанности, которая подтверждает, что история создания и применения теории привязанности на Западе – история последовательной эпистемологической несправедливости в отношении матерей и детей. Во второй части представлен ретроспективный анализ движущих сил, обусловивших развитие теории привязанности в Чехословакии, и ее критический разбор. В заключительной части предпринят анализ современных попыток деинституционализации заботы о детях рома⁷ и развития практики по поддержке семей, которые считаются неэффективными (в том числе и из-за воспроизведения положений теории привязанности).

ЗАПАДНАЯ КРИТИКА ТЕОРИИ ПРИВЯЗАННОСТИ: ОППОНИРУЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Критическое отношение к теории привязанности среди западных исследователей имеет примерно ту же историю, что и сама теория о роли первичного контакта в развитии ребенка – популяризация результатов исследований Джона Боулби и Мэри Эйнсворт сопровождалась системной критикой со стороны самых разных эпистемологических сообществ, в первую очередь – психоаналитического и феминистского.

Не отрицая роли отношений матери и ребенка, но не принимая универсализации этого фактора в благополучном эмоциональном развитии ребенка, критики теории привязанности сосредотачиваются на различных ее аспектах, нуждающихся в переосмыслении. Присущие теории привязанности отождествление родительства с материнством и сосредоточенность на последствиях депривации послужили обоснованием вытеснения женщин с рынка труда после Второй мировой войны (женщинам предписывалось проводить с ребенком как можно больше времени, и это считалось полезным для его здоровья и развития (Cox 2006; Vicedo 2011)). Именно этот аспект подвергается критике со стороны историков, изучающих положение женщин в обществе. Так, Сюзан Францблау, главный редактор специального номера журнала «Феминизм и психология», посвященного критике теории привязанности, во введении к номеру утверждает, что эпоха гранд-нарративов об отношениях младенца и матери непосредственно связана с усиливающимся стремлением властей управлять женщинами (Franzblau 1999). Очевидный ущерб от применения терапии на основе привязанности в отношении детей с психическими расстройствами (в первую очередь – аутичного спектра) способст-

⁷ Положение рома остается одной из основных проблем социальной сферы многих стран Центральной Европы, включая и Чехию. Чехия находится под особым наблюдением со стороны международного правозащитного сообщества в силу высокой институционализации – практики помещения детей рома в интернаты и детские дома.

вовал пересмотру упрощенного объяснения расстройства психики у ребенка из-за деструктивного материнства (Downs and Smith 2004; Buchanan 2013). Явная деконтекстуализация опыта совладания с утратой и приписывание негативной роли переживанию горя в теории привязанности ограничило доверие со стороны психотерапевтов разных направлений (Fonagy, Gergely, and Target 2007).

Разнообразные аргументы, свидетельствующие в пользу чрезмерной роли природной связи матери и ребенка, отличаются наличием одной общей черты – стремлением деконструировать метакогнитивную основу теории привязанности как пример последовательного воплощения эссенциалистского подхода в теории и на практике. Именно акцент на несостоятельности предложенных причинно-следственных связей придает критике теории привязанности особое значение в современных исследованиях, нацеленных на ревизию социального знания как источника несправедливости. Полагаясь на генеалогию знания и роль предпосылок в возникновении теорий, Миранда Фрикер ввела концепт *эпистемологической (не)справедливости (epistemic (in)justice)* – это ситуация ущемления в праве быть субъектом знания, в первую очередь – о самом себе и своих проблемах. Фрикер сосредоточилась на двух основных типах эпистемологической (не)справедливости: *несправедливости в доступе к позиции свидетеля (testimonial (in)justice)* и *герменевтической (не)справедливости (hermeneutical (in)justice)* (Fricker 2007:1). Если первый тип несправедливости хорошо знаком и даже зафиксирован (например, в праве ребенка быть услышанным), то герменевтическая несправедливость, которая состоит в отчуждении как от знания о своих проблемах, так и от возможности вырабатывать такое знание на основе собственного опыта, гораздо реже становится предметом внимания. Вместе с тем именно герменевтическая несправедливость блокирует обеспечение права свидетельствовать. Одним из аргументов в пользу ограничения права свидетельствовать становится утверждение, что тому, кто ограничен в праве, «нечего сказать». Однако отсутствие позиции или значительные пробелы в ее обоснованности и есть следствие герменевтической несправедливости.

Главным доводом к различению двух типов (не)справедливости, которые, по Фрикер, дополняют друг друга, становится понимание производства социального знания как дискурсивного обмена, когда говорящий может поделиться своим знанием, если слушающий признает право говорящего свидетельствовать, и это располагает к генерации знания о себе (Fricker 2007:15). Отказ в свидетельстве разрешает тем, кто производит знание, не слушать тех, кого это знание касается, тогда как ограничение интерпретации блокирует возможность понимать, в первую очередь себя. Западная критика теории привязанности складывается в картину такой эпистемологической несправедливости в отношении матерей как тех, кто не только обладает минимальным запасом доверия со стороны специалистов, но и отчужден от возможности понимать свой собственный опыт родительства. Вместо этого теория привязанности предлагает универсализацию и утилитаризацию материнства.

Опираясь на идею о внеисторичности и универсальности материнства, теория привязанности игнорирует личный опыт женщин и детей. Наиболее разви-

то то направление критики теории привязанности, которое разоблачает ее эссенциализм, – в первую очередь с помощью последовательной деконструкции западных предписаний относительно материнства и детства, на котором и строится критическое феминистское отношение к теории привязанности (Contratto 2002; Knudson-Martin 2012; Petrie 1994). Однако такая критика не исчерпывает утилитарных мотивов теории привязанности. Вопрос о том, как теория привязанности монополизирует власть идентичности и предписывает женщинам подчиниться ей, задает Роз Клери (Cleary 1999). Она углубляется в основную идею Боулби – конструктор целостной психики. Опора на этот конструктор и позволяет Боулби концептуализировать привязанность как ключевую детерминанту здорового развития, а ее разнообразные нарушения – как главный источник самых разных девиаций. Исходя из непосредственной связи такого эссенциализма и утилитарности, Клери обобщает ту часть критики Боулби, которая указывает на игнорирование личной истории утраты и совладания с ней – в силу чрезмерного внимания Боулби к равновесию с внешней средой. Ставя привязанность на службу интересам среды, теория Боулби участвует в выполнении политического заказа на передачу ответственности за воспитание ребенка матери. Такое участие матери позиционируется как неотъемлемая часть «правильного» детства, а отсутствие интенсивного и постоянного контакта с матерью – как невосполнимая травма. Последовательно анализируя ограниченность теории привязанности в понимании практик совладания с утратой, Клери указывает на одну из наиболее распространенных связей между несправедливостью в свидетельствовании и герменевтической несправедливостью – когда деконтекстуализированное и внеисторичное конструирование «я», отличающее и теорию Боулби, соотносится с последовательным упрощением в понимании роли матери как гаранта детства без потерь. Теория привязанности, таким образом, приобретает власть в конструировании идентичности женщин как матерей и блокирует их способность осознавать особенность их личного опыта материнства.

Эссе Сюзан Францблау (Franzblau 1999) представляет собой последовательную критику теории Боулби. По мнению Францблау, теория привязанности отчуждает женщину от возможности говорить о своем опыте. Теория здесь рассматривается как инструмент обоснования патриархальных представлений о материнстве, центрации на ребенке. Такой подход отчуждает матерей от права говорить о своем личном опыте и приписывает им универсальный набор функций, отражающий ожидания общества. Подобное отношение к материнству, популяризированное в течение первого десятилетия после Второй мировой войны, усилило маргинализацию женщин, которые после спада потребности в их труде перестали восприниматься как профессионалы. По мнению Францблау, Боулби игнорирует все, что могло бы обосновать критику патриархального взгляда на материнство и содействовать женщинам в понимании их опыта: перипетии недавней истории, культурные контексты, личные истории женщин. Оставаясь трансоисторической, теория Боулби минимизирует социальные аспекты материнства и сводит связь матери и ребенка к монополии биологических детерминант.

Так, теория Боулби, по мнению Эдуардо Дуниэца и Микал Рац (Duniec and Raz 2011), построенная по аналогии с весьма популярными медицинскими теориями о значении диет и витаминов в профилактике заболеваний, фактически приписывала привязанности роль питательной среды, необходимой и для душевного, и для физического развития. Такая аналогия не только делала теорию привязанности более понятной и, следовательно, более популярной, но и резонировала с медикалистским подходом, отличающим политику вокруг материнства и детства после Второй мировой войны. Однако метафорическая природа ключевого аргумента Боулби не становилась предметом критического осмысления вплоть до последнего времени, поскольку и публика, и профессиональные сообщества единодушно признавали такой ход мышления научным (Duniec and Raz 2011:103). Многомерность эпистемологической несправедливости, по Фрикер, включает осознанные и неосознанные источники стереотипов, которые продуцируют, обосновывают и разрешают сегрегацию. Преобладание неосознанных источников обусловлено тем, что машинерия эпистемологической несправедливости неизбежно вытесняет опыт, не соответствующий признанному знанию, тем самым отчуждая и ее творцов от рефлексии своего участия в сегрегации. В таком случае те, кто знание не производит, а воспроизводит, остаются проводниками эпистемологической несправедливости.

Профессионалы, обладающие полномочиями принимать решение в ситуации конфликта интересов ребенка и родителей (например, специалисты по охране детства) часто опираются на теорию привязанности для объяснения пробелов и последующего обоснования решения в пользу изъятия ребенка и ограничения родительских прав. Поскольку специалистам свойственно искать вариант долгосрочного решения, даже если неопределенность ситуации располагает к более гибкому подходу, то часто в качестве довода используется мотив необратимости последствий нарушения привязанности. Исследование использования теории привязанности в практике помогающих специалистов указывает и на другие – тоже основанные на теории привязанности – мотивировки жесткой стигматизации детей (O’Gorman 2013). Изучая источники злоупотребления концептом привязанности, эксперты указывают на разнообразные пробелы в толковании, присущие практикам, опирающимся на теорию привязанности при оценке детско-родительских отношений (McLean et al. 2013). Исследователи указывают на тенденцию смешивать разные понимания привязанности: привязанность понимается как уникальная способность, недостижимая для определенной группы детей; навык, которому можно обучить; идеализированный тип отношений. Эксперты приходят к выводу, что практики остаются отделенными от того критического отношения к ранним версиям теории привязанности, которое и обеспечивает осмотрительность в применении теории, «когда риски искажений в суждениях растут с течением времени» (McLean et al. 2013:250).

Эпистемологическая справедливость понимается как равенство в доступе к производству знания, обеспечивающее равенство источников знания и интерпретаций в признании разнообразия «правд». Фрикер полагает, что эпистемологическая справедливость – добродетель-гибрид, сочетающая этическую и интеллекту-

альную составляющие. Если интеллектуальная составляющая такой добродетели переключается с требованиями избегать эссенциализма (присущими и теории насилия знанием), то этическая компонента непосредственно указывает на роль того, кто производит или воспроизводит знание. Ответственность за понимание специфики влияния контекстов на знание – условие, определяющее, что приносит знание – эпистемологическую справедливость или несправедливость. Сохраняя деление на изучающего и изучаемого, но переосмысляя регуляцию их взаимодействия в направлении к паритетной коммуникации, Фрикер позволяет вписать такие методологические стратегии, как партисипативные исследования среди людей с инвалидностью и транснациональный феминизм, в интеракционистский репертуар процедур, обеспечивающих эпистемологическую справедливость, ключевым критерием которой остается неотчужденность от собственной идентичности и возможность дальнейшей рефлексии над ней.

Карла Вашингтон (Washington 2008:11) обобщила те подходы, которые могут создать устойчивую альтернативу теории привязанности в обосновании роли связи между ребенком и родителем. В первую очередь это сделано для профилактики изъятий детей из семей и предотвращения их последующего помещения в учреждения общественного воспитания. Исследовательница указывает на те теории, которые поддерживают независимость специалистов и их способность конструировать представление об интересах ребенка: например, теорию кризисной интервенции, основанную на допущении, что люди мобилизуются в ситуации кризиса и стремятся развить стратегию совладания, которую специалист должен принимать во внимание. Пристальное внимание уделяется также антидискриминационной практике и различным версиям критической теории.

Ряд исследований, не акцентирующих внимание на том, какие особенности поведения матери оказывают влияние на делинквентность подростков, встраивает опыт привязанности во взаимосвязь с такими факторами, как представления матери о должном исполнении родительских обязанностей, мера фрустрации матери относительно того, как ее работа влияет на исполнение родительских обязанностей и взаимопонимание с ребенком (Vander Ven and Cullen 2004). Выявленная взаимосвязь между убеждениями матерей, их стратегиями совладающего поведения и поведением детей подросткового возраста указывает на значение того самого доступа женщин к разнообразию интерпретаций собственной жизненной ситуации, который обуславливает выработку убеждений и понимание опыта прошлого (De Coster 2012). Аналогичным образом, опираясь на осмысление своего опыта помощи несовершеннолетним матерям, социолог Ян Маквариш и ее коллеги (Macvarish, Lee, and Lowe 2014) критикуют движение «Первые три года», приписывающее особое значение первым годам жизни ребенка, за необоснованное обобщение паттернов родительства, приемлемых для развития мозга ребенка.

Критическое осмысление западной теории привязанности как источника эпистемологической несправедливости в отношении женщин и детей указывает на необходимость деконструкции положений теории в исторических контекстах. По мнению Фрикера, знание становится инструментом справедливости или несправедливости в коммуникации того, кто производит или воспроизводит знание, с

тем, кого это знание касается. Оценка коммуникации как источника справедливости или несправедливости невозможна вне контекстов ситуации, в которой коммуникация (результатом которой и становится знание) происходит. Соответственно, и анализ социалистической версии теории привязанности предполагает увязывание контекстов и содержательной направленности изысканий чешских психологов.

ТЕОРИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ: В БОРЬБЕ ЗА СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

Современное идеализированное отношение чехов к теории привязанности и ее создателям вполне сопоставимо с популярностью ее авторов (Матейчека и Лангмейера) в первой половине 1960-х годов, когда результаты исследований депривации детей в учреждениях общественного воспитания (*ústavní péče*) – детских домах, закрытых коррекционных школах, центрах долговременного пребывания для детей с инвалидностью – получили беспрецедентное распространение среди профессионалов и обычных людей. В том, как сейчас интерпретируется роль этих исследований, обнаруживаются разнообразные стереотипы, связанные с социалистическим периодом в целом, и с самой теорией привязанности. Свойственная современной чешской публике демонизация социализма и идеализация психологических разработок, которые принято позиционировать чуть ли не как пример сопротивления авторитарному произволу, в первую очередь ограничивает понимание сохраняющейся роли социалистических практик в современной политике семьи и детства. Поскольку речь идет прежде всего о предпосылках эпистемологической несправедливости, важно проанализировать констелляцию движущих сил, определивших формацию теории привязанности, релевантных ей исследований и практических разработок.

Политическим контекстом развития социальной науки и политики в 1960–1970-е годы становится необходимость легитимизации социалистической власти как внутри страны, так и за ее пределами. Сфера здравоохранения, особенно здоровья матери и младенца, стала одним из стратегических направлений, способствующих утверждению режима. Идея о внимании к здоровью нации отвечала как социалистической идее нового человека, так и традиционной национальной идее чехов о здоровом образе жизни как компоненте ответственной гражданской позиции (идее, которая сложилась еще в период борьбы за независимость от Австро-Венгерской империи). Развитие служб родовспоможения и последующей заботы было, наряду с противоэпидемическими мерами и организацией медицинской помощи при предприятиях, одним из приоритетов. Однако только приоритетная идея защиты материнства и детства последовательно встраивалась в международный контекст – к концу 1950-х годов чехословацкая медицина достигла таких успехов в деле снижения младенческой и материнской смертности, что чешские специалисты были приглашены Всемирной организацией здравоохранения в качестве экспертов, которые должны были транслировать выработанную модель в другие страны (Ovseiko 2008).

Наряду с интенсивным развитием служб и увеличением специальных учреждений правительство инвестировало средства в изучение развития детей раннего возраста. Сразу в нескольких академических центрах были начаты лонгитюдные исследования детей, воспитывавшихся в разных условиях – в семье и в детских учреждениях. Такие исследования начинал и Социодиагностический институт (*Sociodiagnostický ústav*), в котором работали молодые специалисты Матейчек и Лангмейер. Как и многие другие начинающие психологи, они столкнулись с неприятием, которое было особенно активным в период интенсивного насаждения психологической помощи в детских домах и интернатах для детей с инвалидностью. При достаточно высоком уровне профессиональной подготовки психологи оказывались ограничены в возможности применить свои знания на практике. Педагоги в школах и психиатры в больницах относились к психологам как к потенциальным соперникам, что располагало к использованию политических мотивов в борьбе с психологами (несомненно, имевшими дело с «буржуазной наукой»)⁸. Неудовлетворительное финансовое положение психологов, работающих в системе образования, заставляло специалистов искать место в академической среде, где психологи чувствовали себя экономически защищенными⁹. Непременным условием признания психологической науки становилось ее соответствие медикалистским клише. Центр, в котором работали Матейчек и Лангмейер, в 1954 году вошел в состав Детской психиатрической больницы Праги, где и осуществлялась большая часть исследований депривации развития ребенка.

Теория Боулби вписывалась как в медиализацию психиатрии, так и в теоретизацию обыденных представлений, востребованных в социалистической Чехословакии. Поскольку Боулби весьма последовательно оппонировал психоанализу, который оставался самой чуждой для социалистической психологии теорией, то теория привязанности позиционировалась как «не совсем идеологически чуждая» (Langmeir and Matějček 1963). Утверждая превосходство социалистической психологии, Матейчек и Лангмейер построили свои исследования в международные контексты и указали на четыре стадии формирования теории привязанности: эмпирическую – первая треть XX века, алармистская – завершившаяся отчетом Боулби для ВОЗ, критическая – после первой волны популяризации, и теоретико-методологическая – в авангарде которой и находились социалистические психологи. Звездный час теории привязанности наступает в первой половине 1960-х годов после резкого разворота социальной политики в направлении фамилиализации, когда на семью стало возлагаться множество функций (в этот период было издано множество разнообразных пособий, пропагандирующих эту идею).

⁸ Open Society Archives, HU OSA 300-30 Records of Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute, Czechoslovak Unit, «Psychologists and psychiatrists in Czechoslovakia», 1966, Item No. 1609/66 NN Sept 12 Vi/Z-13416/g.

⁹ Open Society Archives, HU OSA 300-30 Records of Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute, Czechoslovak Unit, «Financial position of psychologists in the CSSR», 1964, Item No. 64/65 NN Jan 21 Vi/Y/12 612b. Это подтвердил в частной беседе и Владимир Смекал, который начал свою карьеру с позиции психолога в специальном учреждении для мальчиков с девиантным поведением (*Ústav nápravní výchovy pro chlapce*) и который «мечтал, чтобы год там прошел как можно быстрее и был шанс поступить в аспирантуру».

Начавшаяся во время правления Антонина Новотного¹⁰, фамилиализация семейной политики стартовала с массированной кампании по пропаганде семейных ценностей, а затем продолжилась «политикой больших ожиданий» от семьи, особенно – от матерей. Прежнее доминирование общественного воспитания, основанное на прокоммунистической идее общественного воспитания, стало предметом критики (но не со стороны обывателей, как это было в первой половине 1950-х годов, а со стороны специалистов). В отличие от предшественников, Новотный строит свою политику в соответствии с распространенными стереотипами, в том числе – и о предназначении женщины. В этот период эксперты так высказываются о ситуации женщин: «Не хотел бы я быть матерью, которая едет на работу на другой берег реки ни свет ни заря, мы хотим лучшего для общества – то есть для детей, а лучшее для них – забота матери, когда у матери достаточно времени на заботу о своих детях»¹¹. От прежних установок на социализацию детей за счет помещения в воспитательные учреждения официальная политика переходит к более консервативным позициям, релевантным общественному мнению, не доверяющему ни учреждениям, ни политике трудоустройства женщин.

Социологи и психологи включились в обслуживание нового «заказа» на теоретизацию критического отношения к общественному воспитанию и занятости женщин. Если труд портит «природный хороший характер, то заботы о детях, естественные и присущие любой женщине, наоборот, возвращают ей ее предназначение». Получает распространение такой концепт, как «вредоносная феминизация труда» (Háková 1970), а проблема совмещения ролей матери и работницы все чаще осмысливается в терминах конфликта экономики и физиологии (Ткаčík 1971). Начинается оценка персонала дошкольных учреждений, которая выявляет его неопытность и нестабильность; распространяется практика мониторинга заболеваемости инфекционными болезнями в учреждениях. Однако самым весомым аргументом становится теоретизация идеи незаменимости матери и ее заботы для физического и психического развития ребенка.

Начиная с середины 1960-х годов радиопрограммы, публикации в прессе (причем не только в периодике, имеющей общественно-политическую направленность, но и в «женских журналах») активно транслируют результаты исследований, подтверждающие необратимые ограничения в развитии ребенка из-за недостатка внимания матери. Матейчек становится заметной фигурой – он активно публикуется, его приглашают в качестве эксперта по развитию замещающих форм семейного устройства в Министерство образования.

Основным направлением семейного устройства сирот становится патронатное воспитание (*pěstounská péče*) и деревни-SOS. Если в первое десятилетие социализма замещающее родительство было фактически запрещено (что привело к волне стремительного роста количества детей в специальных учреждениях в период с

¹⁰ Антонин Новотный – президент Чехословакии с 1957 по 1968 год.

¹¹ Open Society Archives, HU OSA 300-30 Records of Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute, Czechoslovak Unit, «Women General 1967–1971», Karel Mácha, «Živá Slova», Radio Praha 1, June 25, 1967.

1949 по 1959 год), то с начала 1960-х годов на волне обращения к традиционным чешским ценностям в обиход возвращается патронат, который позиционируется как традиция, обновленная профессиональным подходом¹². Вместе с тем практика воспитания детей в малом сообществе специально подготовленными воспитателями не была восстановлена из прежней традиции семейных колоний. Она заимствована из опыта Австрии: во второй половине 1960-х годов австрийские специалисты активно сотрудничают с чешскими коллегами в сфере развития системы деревень-SOS. В наши задачи не входит сопоставление семейной колонии (группы семей, которым отдавали на краткий и долгий срок детей, оставшихся без попечения родителей) и деревень-SOS, однако основное отличие заключалось в том, какую цель имели эти формы замещающего устройства. Семейные колонии были направлены на воссоединение ребенка и биологических родителей, тогда как деревни-SOS – одна из форм долговременного устройства ребенка, утратившего биологическую семью. И для патроната, и деревень-SOS был важен отбор (как детей, так и приемных родителей) и подготовка (родителей). Теория привязанности, выработанная чешскими психологами, активно используется в качестве методологической основы отбора и подготовки. Несмотря на то, что в начале 1970-х годов Матейчек был отстранен от проекта по развитию деревень-SOS, он сохранил позицию эксперта и продолжил исследования факторов депривации развития ребенка.

Чешская версия теории привязанности соответствовала ожиданиям публики и авторитетных специалистов. Матейчек и Лангмейер изучали преимущественно поведение детей в учреждениях общественного воспитания разного типа: в массовых, в учреждениях, предназначенных для детей с умственным отставанием и нарушением поведения. В отличие от западной версии теории привязанности, сосредоточенной на родительстве, чешские исследователи уделяли внимание разным профилям детского поведения, свидетельствующего о многообразии проявлений депривации из-за недостатка здоровой материнской любви. Увязка определенного типа депривации с учреждением работала на подтверждение причинно-следственной связи между пробелами родительства и помещением в учреждение. Реакция детей на помещение в систему общественного воспитания варьировалась и в зависимости от причины помещения (из-за несостоятельности семьи, умственной отсталости или серьезных поведенческих трудностей) (Matějček and Langmeier 1967). Такая объяснительная схема выводила процедуры диагностики, которые и обеспечивают состоятельность мнений, за пределы любой дискуссии об оправданности критериев оценки, учета комплекса факторов и т.д. Единственным предметом обсуждения становилась возможность помещения ребенка в замещающую семью как альтернатива общественному воспитанию, которое усугубляло ранее сложившиеся негативные тенденции. При этом Матейчек склонялся к мысли, что помещение в семью будет иметь терапевтический эффект

¹² Несмотря на общественную кампанию поддержки ни патронат, ни деревни-SOS не приобрели популярности. Количество детей, устраиваемых в семьи, не превысило 3000, тогда как в учреждениях оставалось порядка 13 000 воспитанников. В социалистический период действовало три деревни-SOS, которые в количественном отношении не составляли серьезной альтернативы общественному воспитанию.

далеко не для всех детей, прежде изъятых и помещенных в систему общественного воспитания, а только для тех, кто имел опыт привязанности к родителям (Matějček 1968). Тогда как нежеланные дети, дети разведенных родителей и дети с психической инвалидностью не рассматривались как категории, для которых семейное устройство могло бы стать таким терапевтическим пространством.

Несомненно, подход Матейчека и Лангмейера воспроизводит все фреймы эпистемологической несправедливости. Родители и дети исключены в нем из процесса оценки и принятия решения, а центрация на ребенке блокирует любую возможность интерпретировать потребности окружения ребенка. Если типизация стилистик материнства по Эйнсворт становится предметом рефлексии и критики, то семьи в чешской теории и вовсе разделялись на «плохие» и «хорошие». При этом критерий, по которому семью относят к разряду «хороших», оставался весьма неопределенным, а в категорию «плохих» попадали те, кто прошел через какую-либо процедуру с определенным порядком подтверждения несостоятельности родителей (в первую очередь – матери) выполнять предписываемые обязанности.

Так, в исследовании депривации развития нежеланных детей в выборку попали дети, матери которых как минимум дважды обращались в специальные комиссии для получения разрешения на аборт (Matějček and Langmeier 1967). «Процедурный» эссенциализм отводит решающее значение не нейтральным характеристикам (например, полу, возрасту или этничности), но прохождению через процедуру – как детерминанте целого комплекса социально-психологических последствий, позиционируемых как необратимые. Чешская теория привязанности такой ключевой процедурой считала помещение ребенка в учреждение общественного воспитания, постановку родителя на учет как алкоголика, прохождение матери через абортивную комиссию и т.д. В то же время неизбежность такой процедуры не подвергалась критике, что приводило к тотальному исключению родителей и детей из процесса принятия решения. Врагом семейного устройства признавался институт общественного воспитания. По словам тех, кто лично знал Матейчека¹³, он часто говорил: «Лучше плохая семья, чем хороший детский дом». На вопрос о том, что приводит ребенка в учреждение, был только один ответ – плохая семья.

В теории Матейчека и Лангмейера родительство конструируется как механизм по производству человеческого капитала ребенка, а привязанность – как психологическое «топливо» такого механизма. В соответствии с таким подходом задача профессионалов состоит в мониторинге деятельности механизма и проверке качества «топлива» на основе оценки ребенка как «продукта» родительства. Такая позиция обеспечивала признание работы психологов, вырабатывающих диагностический инструментарий и регламентирующих разнообразные процедуры принятия решения об изъятии детей из семей и ограничения прав их родителей. Сакрализация «хорошей» семьи неизбежно приводила к жесткой критике любых отклонений. Именно по этому сценарию развивалась история институционального воспитания детей рома в социалистический период, с ним также связаны и попытки преодоления этой практики в постсоциалистическое время.

¹³ Это выражение цитировал и Владимир Смекал в личной беседе с автором.

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ РОМА: НАЗАД В БУДУЩЕЕ?

Проблема социализации рома имеет давнюю историю, которая берет отсчет в межвоенный период: после Первой мировой войны Чехословакия переживает одну из первых волн миграции. После Второй мировой войны переселение рома в поисках лучшей жизни с территории аграрной Словакии на территорию урбанизирующийся Чехии становится устойчивой тенденцией. По данным переписей населения, в 1938 году на территории Чехии жили 60 тысяч рома, в 1947 году – 101 тысяча, а к концу социалистического периода – более 300 тысяч¹⁴. Рост популяции рома объясняется еще и тем, что семьи обычно были многодетными.

Образ жизни рома – существенно отличающийся от того, который позиционировался как здоровый в чешском общественном сознании, – был основной мишенью критики. С проблемой интеграции рома столкнулись и многие другие страны Восточной Европы, однако чешский случай отличается сильной степенью профессионализации и системным подходом к решению «цыганского вопроса» в социалистический период. Можно говорить о том, что то направление, которое сложилось в политике, реализующейся в отношении рома в конце 1920-х годов, оставалось актуальным и в дальнейшем. Речь идет о последовательном надзоре за ромом и принудительной социализацией в условиях детских учреждений. В социалистический период эта политика «обрастает» разнообразными стратегиями.

В 1958 году принят закон о запрете кочевого образа жизни (*Zákon o zákazu kočování*). Он устанавливает ограничения на смену места жительства и места работы: без разрешения местных органов самоуправления такие изменения становятся невозможны. Те, кто нарушал закон, отправлялись в тюрьмы и колонии. Выработываются практики повседневного надзора: все домохозяйства рома делились на три категории (а в Североморавском крае, где численность рома была одной из самых высоких, – на четыре) в зависимости от степени социализации. Характеристики с места работы, учебы, отчеты о регулярных посещениях места жительства были основным источником информации для тех, кто осуществлял контроль за ромом. Чем больше проблем выявлялось социальными службами, тем строже становился контроль за соответствующими домохозяйствами. Социальный работник, которая более семнадцати лет работала с ромом, рассказала в своем интервью о том, что она проверяла чистоту постельного белья, содержимое холодильника и даже покупки, сделанные в продуктовых магазинах, – на дотацию рома могли покупать продукты только из списка «здорового питания», утвержденного Министерством здравоохранения¹⁵.

¹⁴ Сравнительный анализ социалистической политики в отношении рома в Чехии и в Словакии не входит в задачи настоящей работы, однако следует отметить, что беспрецедентная профессионализация, основанная на все более изощренных подходах к селекции рома, отличала именно Чехию, и это обстоятельство существенно выделяло чешский случай в сравнении с другими странами Восточной Европы.

¹⁵ Интервью с Марией Цайсовой, социальным работником, которая специализировалась на работе с ромом, с 1971 по 1990 года на севере Чехии (дата интервью – 16 июня 2015 года). Глубинные интервью со специалистами, работавшими с ромом в социалистический период, были собраны в 2015 году в рамках авторского исследовательского проекта.

С середины 1960-х годов были введены комиссии по перевоспитанию цыган. В их состав входили как специалисты разных местных ведомств, так и активисты рома. Кроме того, в начале 1970-х годов в каждом крае была создана социальная служба, которая должна была обеспечить комплексную поддержку цыган: от трудоустройства до организации специальных летних лагерей. Даже при условии успешной социализации рома классифицировались по первой категории, что означало сохранение ограничения на смену места жительства и работы. Первая попытка обратиться в суд и освободиться от контроля была предпринята в 1967 году, однако только десять лет спустя были выработаны правила освобождения рома от надзора¹⁶. Поскольку среди рома была распространена многодетность, то стремление общественности и власти как можно раньше оградить детей от отрицательного влияния среды сочеталось с поиском универсальных решений. Постепенно мысль о сепарации детей рома от своей среды, особенно изъятие детей из семей с низкой категорией социализации, выстраивается в стратегию заблаговременного помещения ребенка рома в профессиональную среду.

К концу 1970-х годов формируется система, при которой ромские дети практически лишаются возможности попасть в массовую школу. Условием устройства в школу было посещение детского сада или выполнение на должном уровне психодиагностических заданий (оба условия были одинаково невыполнимы для ромских детей) (Shmidt 2015). Многие исследования позднего социалистического периода были направлены на обоснование долговременного устройства детей в учреждения. Так, Хелена Мала (Malá 1985), сопоставляя антропометрические характеристики ромских детей, воспитанных в семье и в специальном учреждении, и чешских детей, пришла к выводу, что дети, находящиеся в учреждении с раннего детства, приближаются по показателям веса, роста и объема черепной коробки к чешским сверстникам, физическое развитие которых позиционировалось как безусловная норма. Семейное воспитание и детство рома рассматривалось как не вписывающиеся в задачи современного образования и социализации практики, присущие отсталому образу жизни. Количество ромских детей в разных учреждениях общественного воспитания было значительным. Эта тенденция после 1989 года с подачи международных и местных правозащитных организаций стала предметом критики.

Сначала ключевым аргументом против общественного воспитания становится неизбежная депривация ребенка, воспитывающегося в учреждении. Причем доводы против помещения детей в детские дома и специальные школы черпаются из все той же теории привязанности. Так, в своей книге «Что детям нужно больше всего» Матейчек рассуждает о «роскоши материнской любви» – парафраз знаменитого высказывания Антуана де Сент-Экзюпери о роскоши человеческого общения (Matějček 1994). Подобный пафос в отношении к роли матери располагает к

¹⁶ Современные рома в Чехии и Словакии предпочитают не афишировать свою этническую принадлежность. Перепись 2011 года свидетельствует, что менее 10 тысяч граждан Чехии считают себя рома, однако, по оценке экспертов, количество рома колеблется от 200 до 300 тысяч. Отказ от своей этничности можно считать связанным с многолетней практикой надзора по факту принадлежности к рома.

тому, чтобы рассматривать невосполнимость отсутствия любви как причину несправимости травмы.

К аргументации, в соответствии с которой общественное воспитание понимается как неизбежно депривирующее ребенка, добавляются новые доводы, основанные на определении практики помещения в учреждения как бесчеловечного обращения. Результаты мониторинга условий пребывания детей в детских домах и школах-интернатах указывают на ужасное положение (Liga lidských práv 2007), а в соответствии с решением Европейского суда по правам человека по делу D.H. and Others v the Czech Republic (5 февраля 2015 года) практика помещения детей рома в школы-интернаты признана сегрегацией. Интересно, что и в социалистических дискуссиях авторы задавались вопросом о том, что хуже: оставить ребенка в семье, которая с высокой вероятностью не справится с задачей социализации, или поместить его в учреждение с целью социализации, лишив при этом привязанности. Этот вопрос долгое время оставался весьма болезненным (об чем свидетельствует, в частности, тот факт, что даже в периоды расцвета концепции институциональной заботы дети дошкольного возраста практически не изымались из семей именно из-за стремления сохранить отношения детей и родителей). Но можно ли свести к минимуму практику передачи детей в учреждения общественного воспитания и развить соответственные альтернативы, опираясь на аргументацию, основанную на привязанности, и почему при столь последовательной критике (продолжающейся с 1960-х годов) устройство в учреждения сохраняется как приоритетное направление?

И депривация, и бесчеловечное обращение неизбежно приводят к выработке эссенциалистских установок: депривация – относительно ребенка, последствий для его развития, а бесчеловечное обращение – относительно учреждений и тех, кто в них работает. Уверенность в отрицательных последствиях общественного воспитания обесмысливает необходимость изучать опыт пребывания в детских домах как отчуждения от власти над собственной жизнью, и блокирует столь важный для тех, кто, как и рома, был отчужден от понимания себя, переход от позиции жертвы и палача к позиции свидетеля, готового к рефлексии и переосмыслению своего опыта. Столь желаемые изменения в системе социальной защиты и образования для рома в пользу инклюзии требуют преодоления явной эпистемологической (не)справедливости. Непосредственные обладатели этого опыта – дети, родители и специалисты – должны стать свидетельствующими исследователями. Очевидный пробел подобных исследований подкрепляется не только продолжающимся воспроизведением эссенциалистских установок, но и явными барьерами в формировании альтернатив общественному воспитанию.

Несмотря на то, что современные исследователи, обосновывающие необходимость работы с ромской семьей, старательно избегают высказывания отношения к этому родительству и детству в терминах прямой оценки, их суждения продолжают воспроизводить конструкции, противопоставляющие паттерны рома (меньшинства) образцовому родительству чешского большинства. Авторы выстраивают двухуровневую систему дихотомий, во-первых, предписывая определенному профилю детско-родительских отношений, основанному на приоритете подготовки ребенка

к будущему, статус практик большинства, и, во-вторых, конструируя практики рома по контрасту с практиками большинства: «Родитель-чех – сообщник учителя, который постоянно транслирует своему ребенку, что тот должен ходить в школу даже тогда, когда там неприятно, в то время как ромские матери в первую очередь ориентируются на переживания своего ребенка здесь и сейчас», соответственно «дети большинства подчиняются правилам, даже если их не уважают, а ромские дети не будут исполнять правила, если их не уважают...» (Šimíková, Bučková, and Směkal 2003). Несовместимость подходов проявляется в метафорическом сравнении чешских матерей с гончарами, которые лепят своего ребенка, а ромских – с садовницами, которые выращивают своего ребенка. Причем это сравнение приписывается эксперту-рома. Впрочем, исследователи неоднократно упоминают о трудностях сбора данных среди самих рома в силу их тенденции «отвечать не правдиво, но в соответствии с социальным ожиданием» (Navrátil 2007).

Почему исследователи оказываются отчуждены от тех современных подходов, которые непосредственно нацелены на преодоление эссенциализма? Несомненно, дело не в том, что о таких исследованиях не известно. Наоборот, вместе с экологическим подходом, который позиционируется как самый подходящий для достижения «гармоничного сожительства чешского большинства и ромского меньшинства», исследователи упоминают, например, и антидискриминационную практику. Последняя, однако, понимается как подход к оценке ситуации, а не способ ее изменения – в силу пассивности рома (Navrátil and Punová 2012). Принятие тех современных социальных установок, которые основываются на критике утилитарных предписаний автономии (в том числе семейной жизни, родительства и детства) заблокировано последовательным воспроизведением понимания привязанности по Матейчеку и Лангмейеру. В соответствии с их концепцией мать является прообразом социума и ключевым носителем ожиданий от ребенка, а потому дефицит привязанности рассматривается как фактор, подрывающий физическое и психическое развитие. Правильная привязанность – неотъемлемая основа дальнейшей социализации, тогда как любовь матерей рома слепа, поскольку поддерживает в ребенке уверенность во враждебности «белого» мира. Вывод, о том, что родительство остается ключевым фактором эксклюзии детей (Navrátil and Punová 2012:97), при таком ходе рассуждений так же неизбежен, как ограниченность рекомендаций «относиться к рома с пониманием и по мере сил культивировать паттерны, соответствующие большинству» (Šimíková et al. 2003:105). Утилитарное отношение к родительству встраивается в утилитарное отношение к инклюзии рома – в пользу чешского большинства.

Противопоставление поведенческих и социокультурных паттернов чехов и рома, которое характерно для прикладных исследований, основано на искусственном и неоправданном отделении прошлого рома от чешской истории. Исследователи часто говорят о специфическом опыте сегрегации рома в периоды Протектората и социализма как о факторах современного плачевного состояния обеспечения их прав. Однако ретроспективный анализ указывает, что становление институтов специального образования, социальной защиты и общественного здравоохранения тесно связано с историей рома на территории Чехии. И теория привязанности – непосредственное свидетельство такой взаимосвязи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ истории возникновения и применения теории привязанности подтверждает позицию Майкла Биллига, в соответствии с которой «конвенциональная психология с ее фокусом на деисторизированном индивиде провалила задачу анализа того, как социальное неравенство создало многие из тех феноменов, изучением которых так прилежно занимаются психологи» (Billig 2008). Западный опыт анализа теории привязанности убеждает в том, что последовательная критика эссенциалистской концепции (которой теория привязанности, без сомнения, является) приводит к пониманию возможных альтернатив только при условии теоретически насыщенной историзации. Важно не только распознать эссенциализм, но и встроить его в контексты опыта производства и применения знания. Ревизия социального знания, основанная на понимании исторической подоплеки, наделяет критической чувствительностью к тем установкам и положениям, которые часто воспринимаются некритически – за счет упрощенного историцизма. Именно это и случилось с теорией привязанности, разработанной чешскими специалистами в социалистический период.

Теория привязанности осталась достижением чешской науки, символом ее гуманистической направленности. История гонения ее авторов придает теории привязанности оттенок героизма, столь знакомый и по истории российской психологии. Чешский случай теории привязанности способствует пониманию того, почему многие теоретические конструкции, созданные в социалистический период и являющиеся эссенциалистскими по своей направленности, остаются вне критики. Проведенная реконструкция истории теории привязанности в Чехии указывает на ее значительный потенциал в повышении политического капитала тогдашних политиков и специалистов в области психологии. Однако их разработки отделены от общего хода развития мировой социальной науки в силу отношения к теории привязанности как к неприкосновенному запасу в оппонировании авторитарному прошлому. Если принять во внимание тот факт, что такие «неприкосновенные» теории непосредственно касаются практик вокруг тех, кто оказывается сегрегирован (как, например, рома), то ревизия такого наследства приобретает особое значение для развития политики и практики обеспечения справедливости, причем не только эпистемологической.

Столь заметная некритичность в отношении теории привязанности в Чехии, скорее всего, усугубляется в других постсоветских странах. Проекты, нацеленные на деинституционализацию заботы о детях, продолжают опираться на теорию привязанности как на источник аргументации в пользу семейного устройства. Критический анализ концепта привязанности не востребован, поскольку важным остается противопоставление семьи и устройства в учреждение, а не анализ того, как теории (пусть даже провозглашающие приоритет семьи) работают в пользу объективации ребенка и материнства. Как показывает опыт зарубежных коллег, без критической ревизии концептов, особенно тех, которые кажутся сами собой разумеющимися, альтернативы общественному воспитанию не вырабатываются. Потому что создание альтернатив предполагает преодоление объективизированного подхода к опыту как детства, так и родительства, готовность признавать его разнообразие, которое бросает вызов любой объяснительной схеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Петрановская, Людмила. 2014. *Тайная опора. Привязанность в жизни ребенка*. М.: АСТ.
- Billig, Michael. 2008. *The Hidden Roots of Critical Psychology: Understanding the Impact of Locke, Shaftesbury and Reid*. London: Sage.
- Buchanan, Fiona. 2013. "A Critical Analysis of the Use of Attachment Theory in Cases of Domestic Violence." *Critical Social Work* 14(2):19–31. Просмотрено 18 апреля 2015 г. (http://www1.uwindsor.ca/criticalsocialwork/critical_analysis_attachment_theory).
- Cleary, Rose. 1999. "Bowlby's Theory of Attachment and Loss: A Feminist Reconsideration." *Feminism & Psychology* 9(1):32–42.
- Contratto, Susan. 2002. "A Feminist Critique of Attachment Theory and Evolutionary Psychology." Pp. 29–47 in *Rethinking Mental Health and Disorder: Feminist Perspectives*, edited by Mary B. Ballou and Laura S. Brown. New York: Guilford Press.
- Cox, Suzanne. 2006. "Bridging Attachment Theory and Attachment Parenting with Feminist Methods of Inquiry." *Journal of Association for Research of Mothering* 8(1–2):83–95.
- De Coster, Stacy. 2012. "Mothers' Work and Family Roles, Gender Ideologies, Distress, and Parenting Consequences for Juvenile Delinquency." *Sociological Quarterly* 53(4):585–609.
- Downs, Andrew, and Tristram Smith. 2004. "Emotional Understanding, Cooperation, and Social Behavior in High-Functioning Children with Autism." *Journal of Autism and Developmental Disorders* 34(6):625–635.
- Duniec, Eduardo, and Mical Raz. 2011. "Vitamins for the Soul: John Bowlby's Thesis of Maternal Deprivation, Biomedical Metaphors and the Deficiency Model of Disease." *History of Psychiatry* 22(1):93–107.
- Fonagy, Peter, Gyorgy Gergely, and Mary Target. 2007. "The Parent-Infant Dyad and the Construction of the Subjective Self." *Journal of Child Psychology and Psychiatry* 48(3–4):288–328.
- Franzblau, Susan. 1999. "Historicizing Attachment Theory: Binding the Ties That Bind." *Feminism & Psychology* 9(1):22–31.
- Fricker, Miranda. 2007. *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: Oxford University Press.
- Gergen, Kenneth. 1973. "Social Psychology as History." *Journal of Personality and Social Psychology* 26(2):309–320.
- Háková, Ludmila. 1970. "Úvaha a odněty k chápání společenských funkcí ženy." *Sociologický časopis* 5(70):436–447.
- Knudson-Martin, Carmen. 2012. "Attachment in Adult Relationships: A Feminist Perspective." *Journal of Family Theory & Review* 4(4):299–305.
- Langmeir, Josef, and Zdeněk Matějček. 1963. *Psychická deprivace*. Prague: SZN.
- Liga lidských práv. 2007. *Péče o děti odebírané z biologické rodiny*. Brno, Czech Republic: Liga lidských práv.
- Macvarish, Jan, Ellie Lee, and Pam Lowe. 2014. "The 'First Three Years' Movement and the Infant Brain: A Review of Critiques." *Sociology Compass* 8(6):792–804.
- Malá, Helena. 1985. "Význam některých poznatků z vývojové antropologie cikánské etnické skupiny a jejich uplatnění ve výchovně vzdělávací práci učitelů a vychovatelů." *Otázky defektologie* 3:96–104.
- Matějček, Zdeněk. 1968. "Typy deprovované osobnosti dítěte a indikace pro adopci." *Československá pediatrie* 23(7):644–646.
- Matějček, Zdeněk. 1994. *Co děti nejvíc potřebují: Eseje z dětské psychologie*. Prague: Portal.
- Matějček, Zdeněk, and Josef Langmeier. 1967. "Typy chování ústavních dětí." *Časopis českých lékařů* 3:546–549.
- McLean, Sara, Damien Riggs, Lisa Kettler, and Paul Delfabbro. 2013. "Challenging Behaviour in Out-of-Home Care: Use of Attachment Ideas in Practice." *Child & Family Social Work* 18(3):243–252.

- Navrátil, Pavel. 2007. "Parenthood in Socially Excluded Roma Families: Points of Departure for Social Work." Pp. 133–154 in *The Challenge of Social Inclusion Minorities and Marginalized Groups in Czech Society*, edited by Tomas Sirovatka. Brno, Czech Republic: Barrister and Principal Publishing.
- Navrátil, Pavel, and Monika Punová. 2012. "Možnosti výchovy k růstu v romských sociálně vyloučených rodinách." *Prevence úrazů, otrav a násilí* 9(2):91–106.
- O'Gorman, Shannon. 2013. "Towards a Second-Order View of Child Protection Placement-Related Decision-Making." *Child & Family Social Work* 18(4):403–416.
- Ovseiko, Pavel. 2008. "The Politics of Health Care Reform in Central and Eastern Europe: The Case of the Czech Republic." PhD dissertation, Department of Social Policy and Intervention, Jesus College, University of Oxford.
- Petrie, Ginette. 1994. *Feminist Critique of the Attachment Theory in Relation to Its Use in Foster Care*. Halifax, NS: Dalhousie University.
- Schmidt, Victoria. 2015. *Child Welfare Discourses and Practices in the Czech Lands: The Segregation of Roma and Disabled Children During the Nineteenth and Twentieth Centuries*. Brno, Czech Republic: Muni Press.
- Šimáková, Ivana, Petra Bučkova, and Vladimír Směkal. 2003. "Kvalita multietnického soužití." Pp. 211–234 in *Romové v české společnosti: Jak se nám spolu žije jaké má naše soužití vyhlídka*, edited by Pavel Navrátil. Prague: Portal.
- Tkačák, Jan. 1971. "Konflikt fyziologie a ekonomiky." *Nové slovo*, March 4, p. 4.
- Vander Ven, Thomas, and Francis T. Cullen. 2004. "The Impact of Maternal Employment on Serious Youth Crime: Do Working Conditions Matter?" *Crime and Delinquency* 50(2):272–291.
- Vicedo, Marga. 2011. "The Social Nature of the Mother's Tie to Her Child: John Bowlby's Theory of Attachment in Post-War America." *British Society for the History of Science* 44(3):401–426.
- Washington, Karla. 2008. "Attachment and Alternatives: Theory in Child Welfare Research." *Advances in Social Work* 9(1):8–16.

ATTACHMENT THEORY IN ACTION: PSYCHOLOGICAL THEORIES OF MOTHER-CHILD BONDING IN POSTSOCIALIST CZECH REPUBLIC

Victoria Schmidt

Victoria Schmidt is a postdoctoral researcher at the Institute of Inclusive Education Studies, Faculty of Education, Masaryk University. Address for correspondence: Křídlovická 991/18, 60300, Brno, Czech Republic. 320753@mail.muni.cz.

Attachment theory has been subject to sustained critique by radical psychologists and feminists. The critical stance towards attachment theory among Western experts is a matter of long-term analytical practices; neither the work of John Bowlby nor the popular socialist version of attachment theory by the Czech psychologists Zdeněk Matějček and Josef Langmeier has been the subject of such revision. Attachment theory still provides the key arguments in favor of deinstitutionalization and developing family placement in postsocialist countries. This obvious idealization of attachment theory by Czech psychologists limits access to the Western critical tradition and blocks the deconstruc-

tion of Matějček and Langmeier. This essay attempts to overcome these limitations. A review of critiques of John Bowlby's theory and his adherents is juxtaposed with a reconstruction of the history of attachment theory in socialist Czechoslovakia. In the first part, the essay embeds Western arguments within the concept of epistemic injustice as developed by Miranda Fricker. In line with the principle of historicization, the next part explores the combination of forces that drove the formation of attachment theory in Czechoslovakia. The final part investigates contemporary attempts to apply attachment theory to the issue of forced removal of Roma children from their families and examines the options for preventing this practice and the placement of Roma children into residential care settings.

Keywords: Epistemic Injustice; Attachment Theory; Socialist Psychology; Segregation of Roma

REFERENCES

- Billig, Michael. 2008. *The Hidden Roots of Critical Psychology: Understanding the Impact of Locke, Shaftesbury and Reid*. London: Sage.
- Buchanan, Fiona. 2013. "A Critical Analysis of the Use of Attachment Theory in Cases of Domestic Violence." *Critical Social Work* 14(2):19–31. Retrieved April 18, 2015 (http://www1.uwindsor.ca/criticalsocialwork/critical_analysis_attachment_theory).
- Cleary, Rose. 1999. "Bowlby's Theory of Attachment and Loss: A Feminist Reconsideration." *Feminism & Psychology* 9(1):32–42.
- Contratto, Susan. 2002. "A Feminist Critique of Attachment Theory and Evolutionary Psychology." Pp. 29–47 in *Rethinking Mental Health and Disorder: Feminist Perspectives*, edited by Mary B. Ballou and Laura S. Brown. New York: Guilford Press.
- Cox, Suzanne. 2006. "Bridging Attachment Theory and Attachment Parenting with Feminist Methods of Inquiry." *Journal of Association for Research of Mothering* 8(1–2):83–95.
- De Coster, Stacy. 2012. "Mothers' Work and Family Roles, Gender Ideologies, Distress, and Parenting Consequences for Juvenile Delinquency." *Sociological Quarterly* 53(4):585–609.
- Downs, Andrew, and Tristram Smith. 2004. "Emotional Understanding, Cooperation, and Social Behavior in High-Functioning Children with Autism." *Journal of Autism and Developmental Disorders* 34(6):625–635.
- Duniec, Eduardo, and Mical Raz. 2011. "Vitamins for the Soul: John Bowlby's Thesis of Maternal Deprivation, Biomedical Metaphors and the Deficiency Model of Disease." *History of Psychiatry* 22(1):93–107.
- Fonagy, Peter, Gyorgy Gergely, and Mary Target. 2007. "The Parent-Infant Dyad and the Construction of the Subjective Self." *Journal of Child Psychology and Psychiatry* 48(3–4):288–328.
- Franzblau, Susan. 1999. "Historicizing Attachment Theory: Binding the Ties That Bind." *Feminism & Psychology* 9(1):22–31.
- Fricker, Miranda. 2007. *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: Oxford University Press.
- Gergen, Kenneth. 1973. "Social Psychology as History." *Journal of Personality and Social Psychology* 26(2):309–320.
- Háková, Ludmila. 1970. "Úvaha a odněty k chápání společenských funkcí ženy." *Sociologický časopis* 5(70):436–447.
- Knudson-Martin, Carmen. 2012. "Attachment in Adult Relationships: A Feminist Perspective." *Journal of Family Theory & Review* 4(4):299–305.
- Langmeir, Josef, and Zděnek Matějček. 1963. *Psychická deprivace*. Prague: SZN.
- Liga lidských práv. 2007. *Péče o děti odebírané z biologické rodiny*. Brno, Czech Republic: Liga lidských práv.
- Macvarish, Jan, Ellie Lee, and Pam Lowe. 2014. "The 'First Three Years' Movement and the Infant Brain: A Review of Critiques." *Sociology Compass* 8(6):792–804.

- Malá, Helena. 1985. "Význam některých poznatků z vývojové antropologie cikánské etnické skupiny a jejich uplatnění ve výchovně vzdělávací práci učitelů a vychovatelů." *Otázky defektologie* 3:96–104.
- Matějček, Zděnek. 1968. "Typy deprovované osobnosti dítěte a indikace pro adopci." *Československá pediatrie* 23(7):644–646.
- Matějček, Zděnek. 1994. *Co děti nejvíc potřebují: Eseje z dětské psychologie*. Prague: Portal.
- Matějček, Zděnek, and Josef Langmeier. 1967. "Typy chování ústavních dětí." *Časopis českých lékařů* 3:546–549.
- McLean, Sara, Damien Riggs, Lisa Kettler, and Paul Delfabbro. 2013. "Challenging Behaviour in Out-of-Home Care: Use of Attachment Ideas in Practice." *Child & Family Social Work* 18(3):243–252.
- Navrátil, Pavel. 2007. "Parenthood in Socially Excluded Roma Families: Points of Departure for Social Work." Pp. 133–154 in *The Challenge of Social Inclusion Minorities and Marginalized Groups in Czech Society*, edited by Tomas Sirovatka. Brno, Czech Republic: Barrister and Principal Publishing.
- Navrátil, Pavel, and Monika Punová. 2012. "Možnosti výchovy k růstu v romských sociálně vyloučených rodinách." *Prevence úrazů, otrav a násilí* 9(2):91–106.
- O'Gorman, Shannon. 2013. "Towards a Second-Order View of Child Protection Placement-Related Decision-Making." *Child & Family Social Work* 18(4):403–416.
- Osveiko, Pavel. 2008. "The Politics of Health Care Reform in Central and Eastern Europe: The Case of the Czech Republic." PhD dissertation, Department of Social Policy and Intervention, Jesus College, University of Oxford.
- Petranovskaia, Liudmila. 2014. *Tainaia opora: Priviazannost' v zhizni rebenka*. Moscow: AST.
- Petrie, Ginette. 1994. *Feminist Critique of the Attachment Theory in Relation to Its Use in Foster Care*. Halifax, NS: Dalhousie University.
- Schmidt, Victoria. 2015. *Child Welfare Discourses and Practices in the Czech Lands: The Segregation of Roma and Disabled Children During the Nineteenth and Twentieth Centuries*. Brno, Czech Republic: Muni Press.
- Šimáková, Ivana, Petra Bučkova, and Vladimír Směkal. 2003. "Kvalita multietnického soužití." Pp. 211–234 in *Romové v české společnosti: Jak se nám spolu žije jaké má naše soužití vyhlídky*, edited by Pavel Navrátil. Prague: Portal.
- Tkačík, Jan. 1971. "Konflikt fyziologie a ekonomiky." *Nové slovo*, March 4, p. 4.
- Vander Ven, Thomas, and Francis T. Cullen. 2004. "The Impact of Maternal Employment on Serious Youth Crime: Do Working Conditions Matter?" *Crime and Delinquency* 50(2):272–291.
- Vicedo, Marga. 2011. "The Social Nature of the Mother's Tie to Her Child: John Bowlby's Theory of Attachment in Post-War America." *British Society for the History of Science* 44(3):401–426.
- Washington, Karla. 2008. "Attachment and Alternatives: Theory in Child Welfare Research." *Advances in Social Work* 9(1):8–16.